

Сказание о Кербеле

Мехди Газали

Коллекция мудрости

Мехди Газали
Сказание о Кербеле

«Садра»

2016

ББК 63.3(5Ирн)4+85.38-3

Газали М.

Сказание о Кербеле / М. Газали — «Садра», 2016 — (Коллекция мудрости)

ISBN 978-5-906016-87-4

Гибель Имама Хусейна, внука Пророка Мухаммада, в сражении при Кербеле в 680 г. – одна из самых трагичных и памятных страниц истории ислама. Меньше полувека понадобилось мусульманской умме, чтобы после смерти Посланника Аллаха свернуть с праведного пути и отдать власть над халифатом в руки нечестивых узурпаторов – Муавийи ибн Суфйана и его сына Йазида. Хусейн, сын Имама Али и внук Пророка, стал одним из немногих, вставших на защиту чистого ислама, лидером тех, кто заплатил своими жизнями за торжество истины. Предлагаемая читателю книга «Сказание о Кербеле» написана известным иранским писателем Мехди Газали, директором Фонда поддержки поэзии и малой прозы и автором ряда изданий, посвященных трагедии Кербелы. Эта книга, состоящая из девяти глав, рассказывает о главных действующих лицах тех событий: Имаме Хусейне, его семье, сподвижниках и противниках, позволяя читателю увидеть историю глазами ее непосредственных участников. Предназначается для широкого круга читателей.

ББК 63.3(5Ирн)4+85.38-3

ISBN 978-5-906016-87-4

© Газали М., 2016

© Садра, 2016

Содержание

От издательства	6
Предисловие	7
Глава об Имаме	8
Глава о знаменосце	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мехди Газали

Сказание о Кербеле

© ООО «Садра», 2016

* * *

Во имя Бога

От издательства

Трагическая гибель Хусейна ибн Али и его сподвижников в жестоком бою, произошедшем в 61 году хиджры (680 г. н. э.) в пустынном иракском местечке Кербела (носившем ранее название Найнава), – неутрачиваемая боль в сердце любого мусульманина. Совсем немного времени понадобилось умме Мухаммада, чтобы забыть заветы своего Пророка, отстранить от власти его наследников и развязать кровавую вражду с потомками того, кто принес людям свет истинной религии. Апофеозом этой вражды стало сражение на берегах Евфрата, в котором сошлись с одной стороны – несметные полчища правителя Йазида ибн Муавийи, а с другой – крошечный отряд Хусейна ибн Али, любимого внука Посланника Аллаха: 72 преданных соратника, до последнего вздоха сражавшихся плечом к плечу со своим предводителем, защищая дело Дома Пророка. Не зря многие говорят: если бы не героическое самопожертвование Хусейна, ислам в своем чистом, незапятнанном виде перестал бы существовать.

Яркая, светлая книга Мехди Газали – это рассказ о том, что предшествовало тем событиям, о том, как они развивались, о страшной и героической битве, ставшей их венцом. И, конечно, в первую очередь – о людях, чьими руками вершилась история. О Хусей – не, сыне Имама Али и внуке Пророка Мухаммада. О его семье и сподвижниках – и о его врагах. Это – рассказ о подвиге, который не будет забыт до тех пор, пока существует род человеческий.

Предисловие

Иногда так бывает, что какое-то событие в жизни человека происходит исподволь, тихо и незаметно. И если бы оно не протекало именно так – неторопливо и плавно, то в него никто бы и не поверил. А если такое событие привлечет всеобщее внимание, то никому бы не захотелось, чтобы оно имело место в действительности. Однако оно происходит на самом деле. Более того, иногда сам человек принимает в нем самое непосредственное участие.

И то, что случилось на шестьдесят первый год по хиджре в Кербеле, относится как раз к разряду таких событий. Корни его уходят в невежество жителей Аравийского полуострова, как, впрочем, и в миссию Пророка ислама, последнего из пророков, в невозможность отрицать ислам и существование Пророка, халифата, завоевания, искренность Али, его смелость и справедливость, его право на халифат, вероломство одних и благородство других, волю Господа и повиновение ей Хусейна, друга Господа.

События в Кербеле более всего похожи на легенду. И как бы хотелось, чтобы всё это было лишь легендой, и не более! Но это – быль, хотя в нее и трудно поверить.

В этой книге мы попытались описать те дни просто, откровенно и полно. Наш рассказ – в виде отдельных, но взаимосвязанных историй.

Глава об Имаме

Хусейн. Он всегда и во всем был впереди других. Когда нужно было слушаться Имама Хасана, своего брата, и подчиняться ему, он был самым покладистым из всех. Когда нужно было молчать, он был тише всех, и молчание его было пугающим. А когда произошло восстание, он оказался самым решительным. Хусейн всегда был предводителем для остальных и никогда не прятался ни у кого за спиной. Он всегда был убежищем для других, сам же никогда и ни у кого не искал убежища. Именно таким и полагалось быть настоящему Иمامу.

Когда разразилась беда при Кербеле, каждый из его сподвижников, умирая, звал Хусейна. Все они хотели склонить голову к ногам того, кто всегда и во всем был предводителем.

Но кого же должен был звать он сам, когда, израненный, рухнул наземь: «Господи, я доволен тем, чем Ты доволен, и сдаюсь я на Твою милость и суд. Нет бога, кроме Тебя...»

Хотя мы и старались рассказать в этой главе всё, что относится к жизни Хусейна, Господина мучеников, но, волей-неволей, подробности, касающиеся его семейства и сподвижников, выделены в отдельные главы, чтобы не допустить повторений.

В любом случае, эта глава сказаний о Кербеле – о том, кто не прятался за спинами своих сподвижников и возглавлял свой народ, как и подобает настоящему Иمامу. Эта глава – об Имаме.

* * *

Когда до рождения Хусейна оставались считанные дни, Пророк пожелал отправиться в поездку из Медины в другой город. Тогда он пришел к Фатиме и сказал ей: «Джабраил поведал мне, что вскоре у тебя появится сын. Не давай ему молока, пока я не вернусь, даже если я задержусь на целый месяц».

Он говорил то же самое и тогда, когда на свет появился Хасан. Однако материнская любовь заставила Фатиму нарушить обещание и накормить его своим молоком уже через три дня после рождения.

А когда родился Хусейн, Фатима ждала, когда приедет ее отец. Когда Пророк прибыл, он просунул язык в ротик Хасана, а потом и Хусейна, и те стали сосать живительную влагу изо рта Пророка, своего деда.

Он повторял это много раз. Иногда даже засовывал палец обоим братьям в рот, чтобы они сосали его. И Хусейн рос и развивался благодаря деду своему, Мухаммаду.

* * *

Новорожденного принесли к Пророку, чтобы тот выбрал для него имя. Посланник Аллаха сказал: «Я не буду опережать Господа в выборе имени для этого ребенка».

Вскоре ему явился Джабраил и сказал: «Место Али рядом с тобой – как место Харуна рядом с Мусой, так дай сыну Али то имя, которым звали сына Харуна».

Мухаммад спросил: «А как звали сына Харуна?»

Джабраил ответил: «Шабир».

Мухаммад сказал: «Но мой родной язык – арабский».

Тогда Джабраил сказал: «Назовите его Хусейном!»

И так ребенок стал зваться Хусейном.

* * *

Мухаммад прочитал в его правое ухо азан, а в левое – икамат. Когда ребенку было только семь дней от роду, его дедушка сказал: «Сбрейте ему волосы и раздайте столько же милостыни, сколько весят его волосы». Из стада выбрали одного барана, и Пророк отправил его в дар повитухе, ведь Посланник Аллаха заботился обо всех земных надобностях новорожденного.

* * *

Асма, служанка в доме Фатимы Захры и Али, принесла новорожденного Пророку. Когда тот увидел ребенка, то заплакал и сказал: «О Господь, прокляни его убийцу!»

Асма носила его Пророку второй раз, когда ребенку было всего семь дней от роду. Но Пророк снова заплакал и сказал: «Горестно мне».

Асма спросила его: «Ты плакал и сегодня, и в первый день. Да будут мои родители жертвой за тебя. Скажи, почему ты заплакал?»

Пророк ответил: «Я плачу из-за внука своего, которого убьют тираны из племени Омейядов. Да проклянет их Аллах, да не получат они моего заступничества... Господь мой! Люби этих двух мальчиков – Хасана и Хусейна, люби тех, кто их любит, и прокляни врагов их!»

* * *

Один человек пригласил Пророка и нескольких его сподвижников на обед в свой дом. По дороге они заметили Хусейна, игравшего на улице. Пророк отошел от своих сподвижников и пошел к Хусейну, раскинув руки, чтобы обнять его. Но мальчик всякий раз убегал от него то в одну сторону, то в другую, вызывая этим смех Пророка. Наконец Мухаммад поймал его. Прижался лицом к лицу ребенка и сказал: «Хусейн от меня, а я – от Хусейна. Да возлюбит Господь каждого, кто любит Хусейна!»

* * *

Он усадил Хусейна к себе на шею, прижимая руками к своей груди его ножки, и так подошел к сподвижникам. Те увидели, что Хусейн сидит на шее у Пророка. Мухаммад обратился к ним с такими словами: «Люди! Это – Хусейн, сын Али, его родители – самые лучшие родители на свете. То, что Господь дал Хусейну, Он не давал ни одному другому из потомков пророков, за исключением Йусуфа».

* * *

Пророк столь часто повторял эти слова, что их знали все. Знали и печалились. Пророк говорил: «Хасан и Хусейн – предводители юношей рая». Он уже тогда называл их предводителями.

* * *

Мухаммад посадил Хусейна к себе на плечи и пошел с ним по улице. Один человек увидел их и сказал Хусейну: «Мальчик, какого же хорошего коня ты оседлал!»

На что Мухаммад ответил: «Он еще и всадник отличный!»

* * *

Однажды люди читали намаз вместе с Пророком. Один из его земных поклонов очень затянулся, и некоторые даже стали думать, что с Пророком что-то случилось. Как только намаз подошел к концу, они спросили: «О Посланник Аллаха, почему так затянулся твой земной поклон, что-то случилось?»

Пророк ответил: «Когда я делал земной поклон, ко мне подбежал мой внук Хусейн и забрался ко мне на шею. Я не хотел торопиться и подождал, когда он закончит игру».

* * *

Однажды Джабраил спустился на землю и протянул Пророку горсть земли, затем что-то сказал ему и удалился. Пророк понюхал ту землю и заплакал, прижав к груди Хусейна.

Умм Салама встревожилась, но Пророк обратился к ней: «Умм Салама, Джабраил сказал мне, что это земля из Кербелы, из того места, где убьют после моей смерти Хусейна. Пусть она хранится у тебя. И как только она превратится в кровь, внук мой погибнет как мученик».

Умм Салама поместила ту землю в стеклянный сосуд и каждый день смотрела на нее. Она говорила: «Земля, тот день, когда ты превратишься в кровь, будет великим днем».

* * *

Когда Хасан и Хусейн зашли в дом, то удивились: их мать спала, а покрыта она была какой-то тканью. Они сказали Асме: «Наша мать днем в такой час обычно не поживает!»

И тут Асма разрыдалась и сказала им: «Ваша мать не спит!»

Хасан бросился на грудь матери и, весь в слезах, воскликнул: «Мамочка, заговори же со мной до того, как душа моя отделится от тела!»

Хусейн припал к ногам матери, целовал их и плакал, приговаривая: «Мамочка, заговори со мной, прежде чем сердце мое остановится и смерть моя придет!»

В ту пору Хусейну было восемь лет, и он уже успел потерять и дедушку своего, Посланника Аллаха, и мать утратил, став сиротой.

* * *

Усман терпеть не мог Абу Зарра и в конце концов отправил его в ссылку в Рабазу. Он приказал, чтобы никто не сопровождал его, чтобы он покинул город подобно преступнику.

Однако Али проигнорировал этот указ Усмана и отправился проводить Абу Зарра вместе со своими сыновьями, Хасаном и Хусейном, братом Акилем и зятем Абдуллой, а также помощником Аммаром.

Хусейн попрощался с Абу Зарром. Он сказал ему: «Дядюшка! Господь может изменить твоё положение... Эти люди больше, чем ты, привязаны к этому миру. Ты не нуждаешься в том, чего у них нет, а им нужно то, от чего ты отказался... Потерпи, не волнуйся. Терпение и выдержка – это атрибуты набожности, а нетерпение все равно не отсрочит смерть человека...»

Так Абу Зарр, один из великих сподвижников Посланника Аллаха, был выслан в Рабазу.

* * *

Во время битвы при Сиффине Али позвал к себе сына, Мухаммада Ханафийю, и сказал ему: «Атакуй правый фланг вражеского отряда». Мухаммад вместе со своими воинами напал на отряд врага, отбросил его и вернулся назад. Он сказал отцу: «Отец, воды!»

Али подал сыну воды и побрызгал немного на его тело и доспехи. Капли крови сочились из-под звеньев кольчуги Мухаммада. Али дал Мухаммаду немного передохнуть, а потом снова сказал: «А теперь напади на левый фланг вражеского отряда».

Как и в первый раз, Мухаммад со своими воинами напал на вражеский отряд и рассеял его. И снова вернулся, но уже раненый. И только и смог произнести, что: «Воды...»

Али, как и в первый раз, подал ему напиток и вылил немного воды на его доспехи. И снова сказал: «Атакуй центр вражеского войска».

Мухаммад и на этот раз напал на врага и когда возвращался в свой стан, у него уже было множество ранений, к тому же он плакал. Али сказал ему: «Да будет твой отец жертвой за тебя! Ты обрадовал меня. Но почему ты плачешь? От радости или от страха?»

Мухаммад ответил: «Почему бы мне не плакать? Ты три раза посылал меня на смерть, и Господь возвращал меня целым и невредимым. И каждый раз, когда я возвращался, ты не давал мне передышки и снова отправлял меня в бой, а моим братьям, Хасану и Хусейну, ты не приказал сражаться ни разу. Почему?»

Али поцеловал Мухаммада в голову и сказал: «Ты мой сын, а эти двое – внуки Пророка Божьего. Разве я не должен охранять внуков Посланника Аллаха?»

Мухаммад смутился и произнес: «Да, отец, ты прав. Да отдам я за тебя и за них жизнь свою».

Вскоре к Мухаммаду подошел один человек и спросил: «Почему Али только тебя отправляет на верную смерть, а Хасана с Хусейном – нет?»

На это Мухаммад ответил: «Хасан и Хусейн – очи отца моего, а я – его правая рука. Отец мой сделал руку свою щитом, что прикрывает глаза его!»

* * *

Всякий раз, когда он становился прочитать намаз, Хусейн бледнел. Когда у него спросили о причине этого, он ответил: «Разве вы не знаете, пред Кем я собираюсь предстать?»

* * *

Он увидел однажды трех нищих, что сидели на земле, расстелив на ней кафтан, и ели кусок хлеба. Заметив Хусейна, они пригласили его присоединиться к ним. Хусейн прочитал им аят из Корана, где говорилось о том, что Господь не любит высокомерных людей, затем присел рядом с ними и отведал их угощения. И сказал: «Я принял ваше приглашение, а теперь ваша очередь принять мое приглашение». Имам повел их к себе домой, и всё, что было у него из еды, выложил перед ними на стол, и все вместе они поели.

* * *

Одна из невольниц в доме Имама Хусейна подарила ему букет цветов. Хусейн взял букет и сказал: «Я освобожу тебя ради Господа».

Кто-то из тех, кто видел такое его обращение с прислугой, удивился и сказал: «Как же так, вы освободили ее из-за одного букета цветов, который ничего не стоит?»

Имам улыбнулся и сказал: «Такое воспитание дал нам Господь. Ведь сказано же в Коране: “Если кто-то сделал для вас благое дело, ответьте на это большим благом”».

* * *

Это случилось незадолго до мученической гибели Имама Хасана. Он слег в постель у себя дома, и Хусейн, увидевший его в таком состоянии, заплакал. Имам сказал ему: «Милый Хусейн, почему ты плачешь?»

Хусейн ответил: «Из-за твоего состояния!»

Хасан сказал: «Это был яд, который отправит меня на тот свет, но нет ни одного дня, который был бы похож на день твоей смерти. Тридцать тысяч человек, заявляющих, будто принадлежат к умме Мухаммада, нападут на тебя, чтобы убить, и прольют твою кровь, и честь твою уничтожат, и семью твою заберут в плен, и имущество твое растащат. В тот момент с небес вместо дождя пойдет кровь и посыплется земля, и каждое живое существо будет плакать и скорбеть по тебе, даже пустынные гады и рыбы морские».

Ни один день не был и не будет похож на день гибели Имама Хусейна.

* * *

Джа'ба, сын Хабиры, сын тети Хусейна по отцу и муж его сестры, написал ему из Куфы письмо: «Здесь все взгляды обращены к тебе... Здесь уже настолько хорошо тебя знают, что если ты захочешь по праву сражаться с врагами и дружить с верными тебе друзьями, приезжай сюда, ибо мы готовы жизнь свою отдать за тебя».

В ответ на это Хусейн написал письмо: «Да поможет Господь брату моему, но сейчас я не собираюсь устраивать мятеж... Да помилует вас Аллах. Оставайтесь дома... и будьте осторожны, пока Муавийа в живых, чтобы он не усомнился в вас. А как только он умрет, то если я еще буду жив, то напишу вам о своем мнении».

* * *

После мученической смерти Имама Хасана несколько шиитов написали письмо Иمامу Хусей – ну, чтобы он приехал к ним и помог организовать восстание против Муавийи.

Но вот каков был ответ Имама Хусейна: «У нас с Муавийей имеется договоренность, и мы придерживаемся ее. Как только он умрет, то мы поступим так, как должны».

Хусейн был не из тех, кто стал бы попираť мирный договор, заключенный его братом.

* * *

Один караван вез из Йемена в Сирию товары для Муавийи. Путь каравана пролегал через Медину. Хусейн приказал перехватить эти товары, а потом распределил их между нуждающимися и некоторыми своими родственниками. Он написал Муавийе такое письмо: «Это письмо Хусейна ибн Али Муавийе ибн Абу Суфйану. Караван из Йемена проходил через город, чтобы доставить тебе деньги, одежду, благовония, янтарь, чтобы ты сложил их в сокровищницах Дамаска, и твои братья и семейство все до единого могли пользоваться ими. Мне они были нужны, и я их взял. Мир тебе».

* * *

Один араб-кочевник пришел в Медину и спросил: «Я очень беден и нуждаюсь. Кто в этом городе самый щедрый и великодушный человек?»

Все направляли его к Хусейну, сыну Али.

В мечети тот араб, наконец, обнаружил Хусейна. Он прочитал оду, прославляющую доброту и щедрость Имама и его семейства, и рассказал о своей нужде.

Когда Имам закончил намаз, он вернулся домой и спросил у Канбара: «Осталось ли что-нибудь из трофеев из Хиджаза?»

Канбар ответил ему: «Да, осталось четыре тысячи динаров».

Имам сказал ему: «Отдадим эти деньги тому, что более нас нуждается в них, он только что прибыл».

Он взял деньги, завернул их в свой кафтан и протянул за дверь тому бедуину. Он не хотел выходить к просителю и смотреть на него, ибо стыдился. Он сказал: «У нас было только это, больше нет. Если бы были лучшие дни, то я дал бы тебе больше. Но извини, у нас в карманах пусто».

Араб взял деньги и заплакал. И когда Имам спросил его, почему он плачет, тот ответил: «Я плачу из-за того, что горюю: как же земля может забрать себе эти щедрые руки?»

* * *

Некто пришел к Иمامу и сказал ему: «Я должен расплатиться за пролитую кровь, но у меня нет денег, и я сказал себе, что попрошу их у самых добрых людей».

Имам сказал ему: «Я задам тебе три вопроса. И если ты ответишь на каждый, то я оплачу треть твоего долга».

Человек сказал: «Неужели может такой ученый человек, как вы, спрашивать что-то у такого неграмотного бедуина, как я?»

Имам сказал ему: «Мой дед, Посланник Аллаха, сказал: “Добрые деяния нужно совершать по степени познания своего”».

Человек сказал: «Ну, раз так, тогда задавайте вопросы. Даже если я не знаю на них ответы, научусь у вас».

Тогда Имам спросил его: «Каково самое лучшее деяние?»

Бедуин ответил: «Вера в Господа».

Имам снова спросил: «Что спасает человека от гибели?»

Бедуин сказал: «Упование на Господа».

Имам спросил: «Что украшает человека?»

Араб ответил: «Знание, спутник которого – дело».

Имам снова спросил: «А если его нет?»

Бедуин ответил: «Богатство, что соединено с великодушием».

Имам спросил: «А если нет и его?»

Тогда бедуин сказал: «Бедность, с которой приходит терпение».

Имам спросил: «А если и этого нет?»

Араб подумал и сказал: «Тогда огонь небесный сожжет этого человека, раз он заслужил такое наказание!»

Имам засмеялся и дал этому человеку тысячу динаров для уплаты долга. А еще подарил собственное кольцо, чтобы тот мог продать его и потратить эти деньги на себя.

* * *

Один человек пришел к Иمامу Хусейну и сказал ему: «Я грешник и не могу удержаться от греха, посоветуй мне, как быть!»

Имам ответил: «Выполни пять дел, потом уже можешь совершать любой грех, какой захочешь: во-первых, не ешь хлеб насущный, что Господь тебе дает, и можешь грешить, как угодно; во-вторых, покинь Божьи владения, и можешь грешить, сколько тебе захочется; в-третьих, найди такое место, где бы Господь не видел тебя, и греши, сколько тебе вздумается; в-четвертых, когда за тобой придет Ангел смерти, чтобы забрать твою душу, отвергни его и совершай любой грех, какой захочешь; в-пятых, когда тебя захотят кинуть в ад, не входи туда и греши, сколько тебе захочется».

Услышав это, тот человек грустно повесил голову.

* * *

Муавийа написал письмо Марвану, сыну Хакама, который был градоначальником Медины, чтобы тот принял у людей присягу верности Йазиду. Марван выступил перед народом и рассказал об этом. Многие богатые и именитые горожане дали присягу или по крайней мере промолчали. Против были только четверо: Хусейн ибн Али, Абдулла ибн Зубайр, Абдулла ибн Умар, Абдуррахман ибн Абу Бакр. Марван обо всем этом доложил Муавийе. Тот собрал войско из тысячи воинов и направился в сторону Медины, чтобы расквитаться с этими четверыми.

Хусейн, Абдуррахман и Абдулла увидели за городом сына Абу Суфйана, и тот очень грубо обошелся с ними. Прибыв в Медину, он взошел на минарет и оттуда стал прославлять достоинства Йазиды и запугивать народ. Затем Муавийа поехал в Мекку. Хусейн, Абдулла ибн Зубайр и Абдуррахман направились туда же. Но Муавийа, в отличие от прошлого раза, обошелся с ними приветливо и вежливо. Он сказал им: «Выскажите свое мнение». Абдулла ибн Зубайр сказал: «Позволь народу самому выбрать себе халифа или, по примеру Абу Бакра, назначь сам кого-то не из числа своих родственников или своего клана, либо, как Умар, подними восстание».

Услышав такие слова, Муавийа пришел в ярость и сказал: «Те люди – великие мусульмане, и ничего не делается в городе без их мнения. Они присягнули Йазиду, и вы четверо должны поступить так же!»

Народ же, видя всё это, дал присягу на верность Йазиду. После собрания у Иمامа Хусейна спросили: «Зачем же вы присягнули ему?» Он ответил: «Я не присягнул». У него спросили: «Почему же вы тогда не сказали об этом?» Он ответил: «Если бы я это сказал, то меня бы убили».

* * *

После того, как Муавийа заручился клятвой верности народа его сыну Йазиду, Хусейн стал протестовать всё более рьяно и открыто. На частных и общих собраниях он рассказывал народу о несправедливостях, творимых Омейядами и Муавийей, и все противники Муавийи, шииты, посещали его дом.

Но шпионы Муавийи были повсюду и донесли ему о том, что творилось в городе. Муавийа колебался, не зная, что же ему предпринять. Он решил спросить мнения Марвана ибн Хакама, градоначальника Медины. И тот предложил ему выслать Хусейна подальше из

города, в Сирию, и держать его под контролем. Муавийа ответил ему: «Ей-Богу, ты пытаешься освободиться от Хусейна, а на меня повесить эту заботу!»

Вскоре Марван написал письмо Муавийе о том, что Хусейн расширил свою пропагандистскую деятельность, и хотя он пока ничего не предпринял, но в городе уже попахивает мятежом. Однако Муавийа боялся Хусейна и ответил, что пока Хусейн не сделал конкретных шагов, ничего с ним делать не нужно. Он просил Марвана лишь позаботиться о себе самом и быть настороже.

* * *

Все шпионские замыслы Муавийи рассыпались в прах. В конце концов он решил написать Иمامу письмо: «От тебя доходят известия, и если они верны, то я не ручаюсь, что у тебя всё будет хорошо, но если это ложь, тебе следует устранишься подальше от них, ибо ты был верен уговору и своей клятве... Не делай ничего такого, что бы заставило меня поступить с тобой плохо, ибо если ты отречешься от меня, я сделаю то же самое и с тобой, а если ты что-нибудь станешь замышлять, то и я поступлю так же и устрою заговор. Я слышал, что некоторые жители Ирака пригласили тебя организовать восстание. Но помни о том, что и отец твой, и мать испытали уже однажды от этого народа!... Берегись, если ты посеешь среди этих людей смуту и раскол!»

Имам Хусейн написал ответное письмо Муавийе как великодушный человек: «То, о чем ты сообщил, тебе рассказали льстецы, которые хотят посеять раздор... Я не намерен вести с тобой войну... но ты, конечно же, не прекратишь это... после того, как ты дал клятву и пообещал пощадить их. Разве не ты убил Амра, сына Хамака Хазаи, сподвижника Посланника Аллаха? И это после того, как ты обещал пощадить его. Если бы ты дал такое обещание горным козам, и те бы спустились с безопасных вершин своих. Разве ты не был знаком с Зийадом, сыном Сумайи, который появился на свет в доме Убайда, твоего брата? Ведь сам Пророк сказал: “Новорожденный пусть спит в колыбели, где родился, а наказание за прелюбодеяние – побивание камнями”. Разве ты сделал Зийада главой мусульман, чтобы он убивал и калечил их? Разве не ты убийца того человека, Хазрами, о котором Зийад написал тебе, что он – из шиитов Али, и потому его нужно убить? Ты ответил тогда: “Убивай каждого, кто из партии Али”. А ведь путь Али – тот же самый путь, по которому следовал его двоюродный брат по отцу, Мухаммад, Посланник Аллаха, благодаря которому ты сейчас находишься на своем посту. Ты сам говорил: “Я отстранюсь от смуты подальше”, но я не вижу ни одной другой смуты в этой умме, что была бы больше той, что устроил ты. Ты сам говорил: “Если я совершу предательство, то и ты со мной вероломным будешь, и устрой любой заговор, какой только в голову тебе придет”. Я уверен, что он никакого вреда не причинит мне, ибо ты неграмотный и жаждешь нарушить уговор... ты не был верен ни одному обязательству, что заключил, и с людьми ты расправляешься только потому, что они говорят хорошо обо мне. И я тебе сообщу радостную весть о возмездии, что грядет в День расчета... помни, что Господь не забудет о тебе... Ты принимаешь у народа присягу на верность своему сыну, а между тем он вино пьет и играет с собаками... Ты сам своими руками ведешь себя на погибель... запугиваешь верующих и набожных людей словами глупцов и невежд. От письма твоего веет кровью».

* * *

Когда Муавийа умер, Йазид сам написал письмо своему двоюродному брату, Валиду ибн Утбе, тогдашнему правителю Медины, чтобы тот принял у Хусейна ибн Али и Абдуллы ибн Зубайра присягу на верность ему, а если они откажутся присягать, то убил бы их.

Валид позвал к себе Марвана ибн Хаккама и посоветовался с ним. Марван сказал ему: «До того, как до Хусейна и Абдуллы дойдет весть о смерти Муавийи, позови их сюда и прими у них присягу. А если они не согласятся на это, то прямо сегодня вечером голову им с плеч долой. Если не сделаешь так, то увидишь войну, смерть и большое кровопролитие впереди».

Валида опечалили эти слова. Марван оскорбил его, высмеял, напомнил о его вражде с Али. Но после совета Валид послал одного человека к Хусейну и Абдулле. Абдулла спросил Хусейна: «Как по-твоему, что в такой поздний час нужно от нас этому Валиду?» Имам ответил: «Наверняка Муавийа умер, и он теперь хочет потребовать с нас присягу на верность Йазиду».

Абдулла сказал: «И что же ты теперь будешь делать? Я беспокоюсь о тебе».

Хусейн ответил: «Я отправлюсь к нему со своими людьми».

Он собрал молодежь из своего семейства, и все вместе они пошли к дому Валида. Усадив их за дверью дома, Имам сказал им: «Если я повышу голос, входите внутрь», – и зашел в дом.

Валид читал письмо Йазиди. Хусейн обратился к нему: «Моя тайная присяга Йазиду не годится ни тебе, ни ему. И завтра, когда ты соберешь народ, то позови и нас тоже».

Валид согласился, однако Марван заметил: «Если Хусейн уйдет, то больше ты его не найдешь. Отруби ему голову прямо сейчас».

Хусейн разгневался и воскликнул: «Ни ты, ни Валид не сможете меня убить!» Молодые люди из племени Бани Хашим, услышав голос Хусейна, бросились в дом с мечами наперевес и вывели оттуда Хусейна.

Уже уходя из дома, Имам сказал: «Йазид – развратник и пьяница. Такой, как я, не дает присягу такому, как он».

* * *

Весть об отказе Хусейна присягнуть Йазиду долетела в месяц Рамадан до Басры и Куфы. Многие слали Иمامу письма и приглашали к себе, в Куфу. К десятому числу того же месяца этих писем уже насчитывалось двенадцать тысяч. И вот, наконец, пятнадцатого Рамадана Имам отправил Муслима в качестве своего посла в Куфу.

* * *

Это наказ Хусейна ибн Али его брату, Мухаммаду Ханафийе. Хусейн свидетельствует, что нет Бога, кроме Аллаха Единого, и нет у Него соучастников, а Мухаммад – Его раб и Посланник. Я не поднимал мятежа по своей прихоти, ради тирании и пороков. Мятеж был поднят ради исправления состояния уммы моего деда, я лишь хочу призывать к одобряемому, и удерживать от порицаемого, и двигаться по пути моего деда, Мухаммада, и отца, Али. И всякий, кто согласится со мной, тот будет больше всех достоин истины, а всякий, кто отвергнет меня, то я подожду, пока Господь сам не рассудит между мной и им, ведь Господь – наилучший Судья».

Среди всех братьев, кузенов, детей и других родственников Хусейна только Мухаммад Ханафийа остался в Медине, так как был болен. Остальные же направились вместе с Хусейном в Мекку.

* * *

Хусейн выехал из Медины и поехал в Мекку по главной дороге. Некоторые из его спутников сказали ему: «Лучше уж идти по бездорожью, как и Абдулла ибн Зубайр, чтобы не нажить себе проблем с наместниками».

Но Имам ответил им: «Нет, ей-Богу, не буду я так поступать, ведь чего Господь захочет, то и повелит».

* * *

После того как Имам вышел из Медины и направился в Мекку, Йазид первым же делом сместил с поста Валида ибн Утбу, правителя Медины, ибо тот не был готов принять суровые меры к Иمامу. И после Валида правителем Медины стал Амр ибн Саид Ашрак, который тут же приказал наказывать плетью нескольких противников Йазидов в городе, дабы застрашать народ.

Йазид написал письмо Абдулле ибн Аббасу, внуку Абд аль-Муталлиба, в котором попросил его вразумить Хусейна наставлением. Он писал, что в том случае, если Хусейн извинится перед Абдуллой ибн Аббасом, тот должен пощадить его и предоставить ему безопасность, и всё то имущество, что его отец, Муавийя, дал Хасану, он отдаст Хусейну.

Но одного Йазид не понимал: не ради всех этих даров, сокровищ, денег или власти Имам поднял мятеж.

* * *

Хусейн пришел домой к Аббасу ибн Абд аль-Муталлибу, своему двоюродному деду. Мекканцы и жители других городов, пришедшие на малое паломничество, умру, тоже заходили туда, чтобы увидеться с Иمامом. Абдулла ибн Зубайр также отправился к нему вместе с остальными людьми и виделся с ним, но он был недоволен тем, что Хусейн находится в Мекке. Он знал, что, пока Хусейн остается там, никто не будет держаться от него в стороне.

* * *

Абдулла ибн Аббас, двоюродный брат Хусейна, изо всех сил старался удержать его в Мекке. Он говорил ему: «Если бы я знал, что смогу удержать тебя, даже если мне придется схватить тебя за волосы, чтобы люди могли собраться подле тебя, и ты вынужден был бы тогда остаться здесь, то непременно сделал бы это».

Но Имам не мог остаться в Мекке, он отправился туда, куда было уготовано ему Богом.

* * *

Абдулла ибн Зубайр сказал Иمامу: «Если ты останешься в Мекке, тогда я присягну тебе на верность, иншалла. Ты более достоин власти, чем Йазид. И если бы у меня были такие друзья-шииты, как ты, я никогда бы не остался здесь». Несмотря на присутствие рядом Иمامа, Ибн Зубайр тосковал по своему дому в Мекке и хотел, чтобы Имам уехал из Хиджаза.

В ответ на такую вежливость с его стороны, Имам сказал: «Ей-Богу, если меня убьют на пядь дальше Мекки, это будет милее моему сердцу, чем спрятаться в какой-нибудь дыре. Эти дикари прогоняют меня отсюда, чтобы добиться своей цели. Они-то и станут тиранами и врагами моими, прямо как иудеи, которые в субботу нарушили заповедь Господню».

* * *

Пока Имам находился в Мекке, правитель города написал такое письмо Йазиду: «Йазиду ибн Муавийе, повелителю правоверных, от Валида ибн Утбы, внука Абу Суфьяна. Хусейн ибн

Али не признаёт тебя на посту халифа и не дает тебе присягу на верность. Выскажи мне свое мнение. Мир тебе».

И вот какой ответ написал ему Йазид: «Когда мое письмо окажется в твоих руках, то поторопись и напиши мне, кто мне повинуется и кто уклоняется. Вместе с ответным письмом пришли мне голову Хусейна. Мир тебе».

* * *

Вести о событиях в Мекке встревожили Йазид. Он назначил ответственным за паломников Амра ибн Саида Аса Омейяда и отдал ему приказ начать войну с Имамом и убить его. Амр собрал войско и двинулся на Мекку. У тридцати человек под паломнической одеждой – ихрамом – были спрятаны сабли и мечи. Им было приказано убить Хусейна в любом случае, даже если он схватится за покрывало Каабы.

* * *

Получив письмо от Муслима, Хусейн собрал своих сподвижников и прочитал им проповедь: «...смерть человека подобна ожерелью на шее девушки. Всевышний Господь избрал для меня место гибели, куда я отправляюсь на встречу с Ним... от того, что написано пером Божьим, не убежать... И каждый, кто готов отдать свою жизнь на этом пути, если он обещал себе пойти на встречу со своим Господом, пусть переночует и завтра утром вместе со мной отправляется в путь».

И на восьмой день месяца Зуль-хиджа Имам отправился в сторону Куфы.

* * *

Когда Имам собрал свои пожитки в день восьмого числа месяца Зуль-хиджа, хотя паломничество еще не закончилось, у многих возник вопрос: почему Хусейн двигается в обход пути паломников? И почему вместе с ним его семейство и дети? Даже на такой вопрос людям хотелось получить ответ!

* * *

И когда Имам принял решение отправляться в Куфу, он написал письмо именитым горожанам Басры, пригласив их идти вместе с ним. Среди всех откликнулись только двое. Ахнаф ибн Кайс дал бессмысленный ответ, посоветовав Иمامу то же самое, что в свое время советовал его отцу, Али, во время Верблюжьей битвы. Йазид ибн Масуд Нахшали, посоветовавшись со своим кланом, дал положительный ответ. Однако его письмо дошло до Имама лишь в день Ашуры, и когда Йазид ибн Масуд собирался примкнуть к Хусейну, до него дошла весть о мученической гибели Имама.

Манзар ибн Джаруд, который приходился тестем Убайдулле ибн Зийаду, испугался и думал, что это письмо – заговор Ибн Зийада с целью проверить его преданность. Потому он передал и письмо, и гонца Убайдулле. Тот же казнил гонца Имама, Солеймана ибн Раззина, и было это до того, как он отправился в Куфу по приказу Йазид.

* * *

В Мекке семнадцать человек из семейства Имама повсюду сопровождали его, куда бы он ни шел, как и еще шестьдесят человек из числа его сподвижников, как пеших, так и конных.

Они хорошо знали, что племя Омейядов хорошо охраняет святыню Дома Господнего, однако Наместника Господа на земле, Имама Его, не признаёт.

* * *

В Забале до Имама дошла весть о гибели молочного брата Хусейна, Абдуллы ибн Йактара, которого Имам отправил к жителям Куфы со своим письменным воззванием. До него также дошло известие о мученичестве Муслима и Хани. Имам собрал людей у себя и сказал им: «Именем Господа, Милостивого и Милосердного! До нас дошла трагическая весть о гибели Муслима и Хани, а также Абдуллы. Наши шииты унизили нас. И потому любой из вас, кто намерен вернуться, может без всякого труда это сделать, это ваше полное право».

Кроме тех, кто прибыл из Медины, и тех, кто с трудом дошел до Имама из близлежащих окрестностей, весь остальной народ группами разошелся от него подальше, словно это не про них он сказал: «Наши шииты унизили нас...». Словно эти слова служили тому подтверждением.

* * *

Имам позвал к себе дочь Муслима Хамиду, которая приходилась ему племянницей, и сказал ей: «Девочка, не плачь по нему. Если твоего отца и нет больше, то я буду тебе отцом. Мои сестры заменят тебе мать, а мои сыновья и дочери будут твоими братьями и сестрами. Радуйся, ведь твой отец теперь в раю».

Хамида ответила ему: «Благодарю тебя, ты приласкал меня, сироту. Позаботься и о моих братьях, тоска снедает их сердца».

Сердце Имама, услышавшего от девочки такие слова, тоже горело.

* * *

По пути в Кербелу и Куфу, остановившись в доме Акабы, Имам Хусейн сказал своим сподвижникам: «Я вижу себя убитым».

Те спросили: «Как же так?»

Имам ответил: «Я видел это во сне».

Они вновь спросили: «Что за сон?»

Он сказал: «Я видел собак, которые меня кусали, и у той собаки, что была сильнее других и больше всех меня кусала, была экзема».

Шемр был той самой собакой!

* * *

В доме Рахимы Имам встретил одного человека из жителей Куфы по имени Абу Харам. Тот спросил у Имама: «Что же заставило тебя покинуть святыню твоего деда?»

Имам ответил ему: «Племя Омейядов стало посягать на мою честь. Поначалу я терпел. Они забрали мое имущество, но я ничего тогда не сказал. Потом они хотели пролить мою

кровь, и я покинул Медину. Ей-Богу, они вынудили меня уйти, а сами прикидываются терпящими лишения и унижения... Их правителями потом станут те, кого они унижат».

* * *

Имам прибыл на то место, где разбили шатер. Он спросил про хозяина шатра, и ему ответили, что им является Убайдулла ибн Хурр Джафи.

Имам послал одного из своих сподвижников, что приходился соплеменником хозяину шатра, пригласить его отправиться в путь вместе. Сподвижник пришел к Убайдулле и сказал ему «Господь направил тебя на путь величия и щедрости, наставив на истинный путь, чтобы ты принял его».

Убайдулла спросил: «О какой щедрости ты говоришь?»

Сподвижник ответил: «Хусейн ибн Али пригласил тебя стать его сподвижником. Если ты победишь, то получишь от него вознаграждение, а если тебя убьют, то станешь мучеником».

Убайдулла сказал: «Ей-Богу, я покинул Куфу только из-за того, что мне было отвратительно видеть Хусейна. Не хочу его видеть и не хочу, чтобы он видел меня».

Сподвижник вернулся к Иمامу и передал ему эти слова. На сей раз сам Имам пошел к тому человеку и сказал ему: «У тебя множество грехов. Не хотел бы ты раскаяться, чтобы все они стерлись?»

Убайдулла спросил: «Как это?»

Хусейн ответил ему: «Помоги внуку Пророка своего и иди вместе с ним на войну».

Убайдулла сказал: «Я знаю, всякому, кто рядом с тобой, повезло, однако я еще не готов умереть. Но можешь взять мою лошадь, она очень хороша».

Имам вышел из шатра и сказал: «Не нужна мне твоя лошадь. Я хотел лишь добра для тебя же самого».

Но Хусейну и сам он не был нужен, Имам просто хотел исполнить свою обязанность перед людьми – наставлять их на путь праведный.

* * *

В доме Саффаха Имам встретил поэта по имени Фарздак и спросил у него: «Что ты думаешь о Куфе и куфийцах?»

Поэт ответил ему: «Сердца народа – с тобой, а вот мечи их – на стороне Омейядов, но, конечно, Господь рассудит».

Имам сказал: «Ты прав. И мы должны быть покорны Господу и довольны Его судом».

* * *

Водном доме Хусейн встретил жителя Куфы. Тот всячески старался никак не общаться с Иمامом. Он был одним из тех, кто устал от Куфы, и уехал оттуда, чтобы не находиться в городе в то время, когда туда приедет Имам. Он не был ни его сторонником, ни противником.

Имам спросил его: «Какие вести из Куфы?» Куфиец ответил: «Позволь мне расспросить двух моих соплеменников, что состоят в твоём караване, Абдуллу и Манзара».

Он заговорил с Абдуллой и Манзаром, и те расплакались.

Имам спросил у них: «Что случилось?»

Абдулла ответил: «О отец Абдуллы, я только тебе одному скажу, что...»

Имам сказал ему: «Мне нечего скрывать от своих сподвижников. Говори же».

Абдулла сказал: «Этот человек говорит, что своими собственными глазами видел, как головы Муслима и Хани полетели с плеч долой, а тела их, привязанные веревкой за ноги, таскали по базару. Люди остолбенели и устали, как истуканы, на это зрелище».

От этих слов будто настоящее пламя разгорелось в сердцах членов племени. Имам произнес: «Поистине, Аллаху мы принадлежим и к Аллаху вернемся. Да помилует их Аллах. После их смерти больше нет добра в этой жизни, и самой жизни нет».

* * *

Солнце стояло в зените, когда один из сподвижников Имама Хусейна произнес: «Аллах велик!» Имам спросил его, что случилось. Тот отвечал: «Я вижу оазис с финиковыми пальмами».

Несколько человек из числа сподвижников сказали: «Ей-Богу, до сих пор мы не встретили в окрестностях ни одной финиковой пальмы».

Имам сказал: «Это войско пришло сюда, чтобы встретить нас».

Это и впрямь оказался Хурр, выступивший по приказу Ибн Зийада с тысячей всадников, чтобы остановить продвижение Хусейна.

* * *

Хурр вместе со своими солдатами подъехал к подножию горы Зу Хосм и догнал караван Имама Хусейна. Воины устали и очень хотели пить. Имам отдал приказ напоить Хурра, его солдат и даже лошадей.

Наступило время намаза. Прозвучал азан, и люди Имама приготовились читать молитву. Хурр и его солдаты также подошли и стали читать намаз за Имамом.

После полудня, когда Имам вознамерился двинуться в путь, Хурр преградил ему дорогу. Хусейн сказал: «Вы же сами написали мне письмо и пригласили меня в Куфу. Но теперь, раз уж вы передумали, я больше не вернусь».

Хурр сказал ему: «Мне о том письме ничего не известно».

Имам бросил Хурру письмо, что написали ему куфийцы. Хурр возразил: «Мы не писали тебе никаких писем. У нас есть приказ – привести тебя в Куфу, к Убайдулле ибн Зийяду».

Имам сказал: «Для тебя будет лучше умереть, чем отвести нас к Ибн Зийяду». Затем он повернулся к своим людям и велел им: «Садитесь же верхом, мы уезжаем».

Хурр и его солдаты снова заградили путь Иمامу. Имам сказал: «Да будет твоя мать скорбеть по тебе. Что тебе нужно от нас?»

Хурр опустил голову и сказал: «Любому другому, кто говорил так, за исключением тебя, я давал такой же ответ. Но, клянусь Богом, я не могу сказать о твоей матери ничего, кроме самых лучших слов».

Хурр отличался прекрасными манерами.

* * *

Беседа двух военачальников затянулась. Хурр сказал Хусейну: «Я не обязан воевать с тобой. Мне приказано только отвезти вас в Куфу. Если ты не согласен, то отправляйтесь в любое другое место, только не в Куфу и не Медину».

И Имам был вынужден направиться в сторону Азиба и Кадисийи.

* * *

На просторах степи Имам обратился к солдатам Хурра с проповедью: «О люди! Посланник Аллаха изрек: “Если кто-либо увидит правителя-деспота, объявившего для себя разрешенным то, что запретил Господь, нарушившего обязательства перед Ним, пошедшего против Сунны Посланника Аллаха, распространяя среди рабов Господа насилие, грех и притеснение, и будет стараться исправить ситуацию, Господь может поставить такого человека на место того правителя”».

Они заменили подчинение Господу Милосердному послушанием шайтану, сделали запретное разрешенным, а то, что разрешено Господом – запретили... Ваши письма дошли до меня, а ваши представители прибыли ко мне и дали мне присягу на верность, пообещав не противиться мне и не унижать меня.

И если вы тоже будете хранить свою верность до конца, то достигнете совершенства. И тогда я буду вместе с вами, а мое семейство – вместе с вашими семействами... Но если вы отвергнете и предадите меня, то, клянусь душою своей, такое поведение мне уже знакомо, ибо раньше так поступили ваши отцы с моими отцом и братом, и Муслимом, моим двоюродным братом... Любой, кто нарушит клятву верности мне, на самом деле предаст сам себя, и очень скоро Господь освободит меня от нужды в вас».

* * *

В доме Азиба Аль Хаджаната находилось несколько жителей Куфы, которые пришли, чтобы присоединиться к каравану Имама: Нафа, сын Хилалая, Амр, сын Халеда, Саад, слуга Амра, Маджма, сын Абдуллы. Их проводником был Тармах, сын Ади. Хурр хотел было их задержать и вернуть в Куфу, но Имам не позволил ему этого сделать. Он сказал: «Они – мои сподвижники и друзья. И я буду защищать их, как защищаю себя самого». Тогда Хурр был вынужден оставить их в покое.

Они рассказали Иمامу о ситуации в Куфе и поведали о последних городских событиях. Тармах предложил Иمامу и его каравану пойти к племени Тей, к которому принадлежал он сам. Он говорил, что тамошние горы подобны крепости, и обязался защитить двадцать тысяч человек из приближенных Имама. Но на уме у Хусейна было нечто иное. Он сказал: «Между мной и куфийцами есть договоренность, и потому мы не можем пойти куда-то еще или вернуться назад, откуда пришли. Так что я посмотрю, что же произойдет в конце концов».

* * *

В Ниневии караван Имама догнал какой-то человек и поздоровался с Хурром и его солдатами. Однако с самим Иمامом он не поздоровался.

Незнакомец отдал Хурру свиток. То было послание от Ибн Зийада, в котором тот писал: «После того, как ты прочтешь мое письмо, заведи Хусейна в такое место, где нет ни воды, ни еды, ни жилья».

Хурр прочел письмо и показал его Иمامу. Имам сказал ему: «Давай останемся прямо здесь».

Хурр ответил: «Нельзя. Этот человек – шпион Ибн Зийада, он всё ему доложит».

На следующий день Хурр преградил путь каравану Имама посреди степи, что была безлюдна и безводна. Так караван подошел к месту, предназначенному ему судьбой.

* * *

Караван двигался по пустыне, и внезапно лошади остановились. Имам изменился в лице, взглянул на небо, потом на землю и спешился. Попросил другую лошадь, но и та отказалась двигаться дальше. Так он менял лошадей семь раз, а седьмая лошадь прошла пару шагов и остановилась. Имам сошел с седла, зачерпнул рукой горсть земли и понюхал ее. И тут он заплакал и спросил: «Где мы?»

Ему ответили: «Это Кадисийя».

Имам спросил: «А есть ли у нее другое название?»

Кто-то еще ответил ему: «Это берег Евфрата».

Но Имама не устроил и такой ответ.

Кто-то сказал: «Это место зовется Амура».

Имам замолчал.

Еще один человек сказал: «Акр. Эта земля – Акр». Кто-то добавил: «Здесь рядом находится Ниневия. И поэтому это место тоже зовется Ниневией».

И тут вдруг раздался чей-то голос: «Кербела!» Имам словно именно этого и ждал. Он воззвал: «Господь наш, прибегаем к Тебе от зла и от Кербелы».

Слезы выступили на глазах Имама, и он произнес: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к Нему возвращаемся. Спешите. Это то самое место, откуда нужно много-много раз брать землю. Так говорил мне мой дед».

Имам распорядился разбить шатры в каком-нибудь глубоком овраге. Это отличалось от того, как поступал Пророк. На войне тот обычно выбирал для стоянки какую-нибудь возвышенность.

Зейнаб спросила: «Братец, но почему же обязательно в овраге?»

Хусейн ответил ей: «Я не желаю, чтобы дети видели сцену боя».

* * *

Членам каравана Хусейн указал, как нужно ставить шатры и палатки: шатры женщин и детей – в форме полумесяца. Шатры племени Хашим и стариков – еще один полумесяц, на расстоянии трех шагов от третьего полумесяца, где располагались шатры сподвижников, и так, чтобы они закрывали два первых полукружья и создавали им защиту. Имам хотел, чтобы женщинам и детям ничего не угрожало. Для большей безопасности вырыли канал за полукружьем шатров, а внутри него установили забор из тростника, чтобы, если нагрянет туда враг, поджечь этот частокол и тем самым преградить неприятелю путь. Шатры скрепили меж собой веревками и затянули их потуже, чтобы соорудить еще одну линию обороны.

* * *

В Кербеле были установлены шатры каравана Хусейна. Хурр написал об этом Ибн Зий-аду, и тот в срочном порядке отправил письмо Имаму. Его посланец сам отвез письмо и, подъехав к каравану, спросил у людей: «Кто из вас – Хусейн?». И тут взгляд его упал на Имама. Он подошел к Хусейну и передал ему письмо от Убайдуллы.

Имам развернул свиток и прочитал следующее: «Хусейн, мне доложили, что ты прибыл в Кербелу и разбил там шатры. Повелитель правоверных Йазид написал мне, что я не буду знать отдыха, пока не заставлю тебя либо принять власть Йазидов, либо умереть».

Имам, прочитав это письмо, пришел в ярость, отбросил свиток и сказал: «Они обменяли довольство Господа на Его гнев, и никогда они не станут праведниками».

Посланец спросил у него: «А каков будет ответ на письмо?»

Имам ответил: «Ответом будут мучения».

Но распробовать вкус ответа Имама Убайдулле пришлось только после событий в Кербеле.

* * *

Имам приказал выкопать за шатрами небольшой ров и засыпать его колючками, щепками и стружками. А на Ашуру эти щепки и стружки подождли.

Кто-то из вражеского стана тогда спросил его: «Хусейн, ты что же, нашел себе прибежище в огне до наступления Дня Суда?»

Имам осведомился: «А это еще кто такой? Неужто Шемр?»

И услышал в ответ: «Да».

Имам сказал: «Эй ты, сын козопаса! Огонь тебя больше достоин, чем меня!»

Муслим, сын Оусаджа, поднял свой лук и прицелился в Шемра.

Но Имам остановил его и сказал: «Я не хочу первым начинать войну».

* * *

Утром в день Ашуры Имам вместе со своими сподвижниками читал намаз, а затем произнес проповедь: «Господь повелел, чтобы сегодня и я, и вы погибли. Потому будет лучше вам идти в бой и терпеть».

Имам не хотел, чтобы хотя бы один из его спутников оставался в неведении.

* * *

В день Ашуры Имам принарядил и украсил свой отряд. Командующим правым флангом он сделал Зухайра ибн Кина, а Хабиба ибн Музахира – командующим левым флангом, сам же вместе со своей семьей встал в самом центре отряда. Флаг он вручил Аббасу ибн Али, своему младшему брату.

И хотя у них не было надежды на победу над отрядом Амра ибн Саада, Имам не пожертвовал строгой дисциплиной и планированием в бою.

* * *

Он надел на себя чалму Пророка, в руки взял его меч и отправился в сторону куфийского войска. Встал прямо перед ними, опершись на меч Пророка, и заговорил с солдатами: «О люди, взгляните на того, кто стоит перед вами. Обратитесь к своей совести и спросите себя, правильно ли будет убивать меня и уничтожать мое семейство? Разве я не внук вашего Пророка? Разве я не сын его заместника и двоюродного брата – первого человека, что стал мусульманином? Разве Хамза, господин всех мучеников, не приходится мне дядей? И разве моей матерью не является Фатима – дочь вашего Пророка? А моей бабушкой – Хадиджа, первая женщина, что приняла ислам? Разве будете вы отрицать, что Пророк – мой дедушка, а Фатима – моя мать, а Али – мой отец?».

Но как раз всё перечисленное и являлось виной Хусейна в глазах этих людей: они завидовали ему и ненавидели его отца.

* * *

Вы, о люди, еще увидите зло и истребление. Когда вы сами пригласили нас сюда, вы были удивлены и смущены. Но разве мы не приняли ваше приглашение?.. Как же так вышло, что мечи ваши поначалу были на нашей стороне, а теперь они – против нас? Мы ни новшеств никаких не вводили, ни ошибок не совершали, почему же сейчас, когда мы вам больше не нужны, вы снарядили против нас целую вражескую армию?.. Вы причинили страдание праведным мусульманам, вы – те, кто разорвал Коран... Вы нашли себе опору в Ибн Харбе, и для Господа вы теперь – вероломные преступники... Да будет лежать проклятие Господне на тех, кто нарушил свое обязательство, которые сначала укрепляют его, а потом разрывают на части... Знайте, что ублюдок и сын ублюдка настойчив лишь в двух вещах: либо обнажать меч, либо терпеть унижения, а мы, увы, подвергаем себя унижению... Я не потерплю от вас никакой отговорки и предупреждаю вас... знайте, что не пройдет и года, как вы увидите, что колесо судьбы обернется против вас самих... А сейчас соберитесь с силами, насколько возможно, и примените всю свою мощь в бою против меня. Я же целиком полагаюсь на своего Господа...»

Так говорил Имам куфийскому отряду. Не раз и не два он призывал противников выполнить свой долг, он ведь не хотел, чтобы они оставались в неведении, идя в бой.

* * *

Хурр был волен выбирать между адом и раем, и он выбрал рай. Примерно тридцать человек из отряда Амра Саада отделились от войска и перешли на сторону Имама. Амр Саад, увидев это, осознал, что, возможно, еще больше людей изменят свое мнение, и позвал знаменосца из своего отряда. Первую же стрелу из своего колчана он пустил в сторону небольшого отряда Имама Хусейна. После чего стрелки Амра Саада засыпали лагерь Имама градом стрел. Не было ни одного человека, который бы не пострадал от них. Хусейн же увидел, что его вынуждают вступить в бой, и, обратившись к своим сподвижникам, сказал: «Да смилуется над вами Господь! Вставайте и идите на смерть свою, от которой никуда не скрыться. Эти стрелы – послание вам от того народа».

Оба войска вступили друг с другом в битву, и в первом же сражении многие сподвижники Имама встретили свою смерть, от которой никуда не скрыться.

* * *

Через некоторое время после начала сражения Абу Самама Сайдави устремил глаза к небу и заметил, что пришло время молитвы. Он пошел к Иمامу и сказал ему: «Да буду я жертвой твоей! Эти люди уже добрались до тебя, но клянусь Богом, пока меня не убьют на твоих глазах, ты не умрешь. Я бы хотел, когда отправлюсь на свидание со своим Господом, прочитать вот этот полуденный намаз, чье время уже пришло, вместе с тобой».

Имам тоже обратил взгляд к небесам и сказал: «Да сделает тебя Господь одним из тех, кто всегда верен молитве, раз ты о ней вспомнил. И правда, сейчас наступило время намаза».

И он громко сказал: «Попросите их приостановить сражение, чтобы мы могли прочесть намаз».

* * *

Всякий, кто проходил по полю боя, видел, что лицо Имама становилось все радостнее и светлее, несмотря на все выпавшие на его долю лишения.

Некоторые из сподвижников говорили: «Вы только посмотрите на него! Он не боится умереть!»

Имам сказал им: «Успокойтесь... Смерть – это мост, выводящий вас из трудностей к садам вечного блаженства. Кто из вас не захочет попасть из тюрьмы прямо во дворец? Но смерть для ваших врагов – это переход из дворца в темницу. Мой отец говорил мне, что Пророк сказал: “Этот мир – темница для праведника и рай для неверующего, а разделяет их мост – смерть: кому – переправа в рай, а кому – в ад”».

Хусейн уходил к Господу своему, так о чем ему было волноваться?

Почему бы ему не уходить с радостью?

* * *

На следующий день события достигли своего апогея. Хусейн отправился к своей сестре и сказал ей: «Принеси-ка мне ту рубашку, что оставлена как залог».

Эта рубашка служила залогом: ее подарила Зейнаб их мать и сказала, что, когда она потребуется Хусейну и он наденет ее, то уже через час покинет этот грешный мир.

К горлу Зейнаб подступил комок слез, и был он таким же тяжелым, как и весь наш мир. Но она принесла ту рубашку. Это была старая, выцветшая вещь. Хусейн немного надорвал ее. Зейнаб спросила его: «А в чем же заключается скрытый смысл этой потрепанной и выцветшей рубашки?»

Хусейн ответил: «Эти люди еще более наглые и бесстыжие, чем ты думаешь».

Зейнаб задумалась о наглости тех людей.

* * *

Хусейн надел ту старую рубашку под свои доспехи, вышел к шатрам и громко произнес: «Зейнаб, Умм Кульсум, Сакина, Робааб, я в последний раз обращаюсь к вам». При этих словах Имама все ощутили привкус близкой разлуки и прощания.

Хусейн сказал им: «Приготовьтесь к бедам и несчастьям. Но знайте одно: Господь защитит вас, спасет вас от козней и зла врагов ваших, наградит вас благом. Он подвергнет ваших врагов страданиям и несчастья ваши заменит на многочисленные милости и блага. Вы будете рядом со своим Господом...»

Сакина, у которой глаза наполнились слезами, промолвила, плача: «Отец! Значит, ты покорился смерти?»

Хусейн ответил: «Как же не покориться смерти человеку, у которого в этой жизни не осталось ни одного близкого друга и помощи ждать уже неоткуда?»

* * *

Всякий раз, как Имам направлялся к врагам своим, чтобы поговорить с ними, он представлялся сыном Фатимы и внуком Посланника Божьего. Но об отце своем не говорил ни слова – ибо знал он, что те люди ненавидят Али. Таким образом, он хотел наставить людей на путь истинный, чтобы они оставили свою затею.

Но в последний раз, когда он отправился к вражескому стану, то представился уже по имени отца и сказал: «Я – Хусейн, сын Али».

Видимо, задача его была исполнена, раз он хотел, как и отец в свое время, отправиться к ним.

* * *

После первого своего прощания Хусейн отправился на поле битвы и проявил там такие чудеса боевого искусства, что, если бы меч Малека ибн Йасара не настиг Имама и не ранил его в голову, возможно, он ту пустыню превратил бы в болото, затопив ее кровью куфийцев. Он возвратился к своим шатрам, чтобы перебинтовать голову. Его обступили со всех сторон женщины и дети. Зейнаб перевязала ему голову. Он силился встать и вернуться в неравный бой, но как тогда поступить с детьми? Зейнаб и Умм Кульсум помогали ему и, используя всевозможные ухищрения, выпроваживали от него детей. Хусейн оседлал своего коня, Зуль-Джанаха, но конь вдруг отказался идти. А когда Имам взглянул вниз, то увидел, что его дочь связала коню ноги. Она сказала: «Я не отпущу его, отец, пока ты не спешишься».

Хусейн поневоле сошел с коня. Девочка сказала: «Ты должен сесть».

Хусейн подчинился просьбе дочери. Девочка села к нему на колени и сказала: «Ты помнишь, когда нам сообщили о гибели Муслима, ты усадил его дочерей к себе на колени и приласкал их? И теперь, если ты уйдешь и больше не вернешься, кто же меня утешит и приласкает? Сделай же это, отец, прежде чем покинешь нас. Ни одна рука не может так приласкать, как твоя».

Имам Хусейн всхлипнул, и это лишило выдержки всех остальных. Все, кто был рядом с ним, заплакали. Хусейн погладил девочку по голове и сказал: «Доченька, не разжигай огонь в моем сердце».

Хусейн поднялся и вышел. Недолго пришлось ждать его дочери – вскоре она стала сиротой.

* * *

Путь каждого, кто вступал в бой против Имама, быстро подходил к концу, и лежал он прямоком в ад. Стольких Имам убил в том бою, что из мертвецов можно было построить дамбу.

Больше уже никого не осталось, с кем можно было бы воевать один на один. И тогда Имам напал на правый фланг отряда Амра Саада и рассеял его. После этого он напал на левый фланг.

Те, кто был построен в тысячный отряд стройными группами, пустились от него врассыпную, словно саранча. После каждого своего нападения Имам возвращался на прежнее место и громко кричал: «Нет силы и могущества, кроме как у Аллаха». Он хотел, чтобы слова его долетели до жены его, чтобы она поняла, что он еще жив.

* * *

Лучшие его друзья и сподвижники, каких можно было найти за всю историю, на его глазах были изрублены на куски. Все женщины и дети остались вдовами и сиротами. Имея стольких врагов, он вправе был хоть немного испугаться или встревожиться. Но вот как сказал о нем Абдулла, сын Аммара: «Клянусь Богом, не видел я ни разу никого, окруженного столькими врагами, что убили всех его друзей и родных, который был бы столь отважен. Ей-Богу, ни до него, ни после никого, подобного ему, не встречал я».

* * *

Кто-то говорил, что их было тысяча восемьсот человек, а кто-то еще – что их было тысяча девятьсот пятьдесят человек. Да если об их количестве и нельзя сказать точно, то приблизительно их число история сохранила. И всех их Хусейн отправил напрямик в ад.

Амр Саад, увидев, что бой затянулся, закричал: «О, горе вам! Вы что, совсем воевать разучились?!»

И как только он это сказал, четыре тысячи лучников выпустили в Хусейна свои стрелы и встали между Имамом и его шатрами, заградив ему путь к ним. Несколько человек при этом направилось в сторону тех шатров. Имам закричал: «Это сторонники потомков Абу Суфьяна! Если у вас совсем нет веры и вы не боитесь того, что ждет вас в следующей жизни, то хотя бы в этой жизни будьте свободными, а не рабами!...»

Тут Шемр спросил: «Что ты там такое говоришь?» Имам ответил: «Это я, тот, кто убивал вас и кого вы хотите убить. Но пока я жив, не трогайте мою семью».

Шемр сказал: «Он прав. Отойдите от его семейства. Он и сам великий воин, лучше уж поспешите к нему».

* * *

Как только Амр Саад отдал приказ о всеобщем наступлении, копьеносцы и лучники взяли на прицел Имама. Ран на его теле прибавилось.

* * *

Имам утомился и остановился немного в стороне от поля боя, чтобы перевести дыхание. Кто-то швырнул в него камень, и тот попал Хусейну прямо в лоб. Потекла кровь. Имам едва успел обтереть краем одежды окровавленный лоб, как в грудь его вонзилась стрела, угодив в самое сердце. И сколько бы он ни старался вытащить ту стрелу, это ему никак не удавалось. Он поднял руку и вытянул стрелу из спины, протаскивая ее сквозь свое тело насквозь.

Кровь хлынула из того места, куда попала стрела, словно по водосточному желобу. Имам произнес: «Именем Аллаха, с помощью Аллаха и общины Посланника Аллаха».

Затем он поднял голову и, взглянув на небо, сказал: «Господь мой, известно тебе, что они убивают человека, приходящегося Посланнику Твоему на этой земле единственным внуком».

Имам положил руку на свою рану и выпустил кровь к небу, в сторону Господа своего.

* * *

Имам ослабел, он потерял много крови. К нему подошел Салех ибн Ваххаб и вонзил в него копье, повалив с лошади на землю.

Зейнаб в это время вышла из шатра и, когда Имам упал наземь, воскликнула: «Ой, братец мой! Радость моя, родной мой! О, если бы небо рухнуло на землю, а горы рассыпались!»

Шемр закричал: «Чего же вы ждете?»

И тут остальные враги набросились на Имама. Зар'а, сын Шарика, нанес ему удар в плечо. Имам совсем обессилел. Иногда он приподнимался, но потом падал вновь. Санан, сын Унса, вонзил копье Имаму под мышку и выдернул его, а затем снова воткнул, но уже в грудь Хусейна. Несколько человек выпустили стрелы из луков в его лицо, тело и горло.

Имам раскрыл ладони, зачерпнул крови из своих ран и умыл ею свое лицо. Уже совсем без сил, он сказал: «Вот так я встречаю своего Господа, окрашенный собственной кровью и лишенный того, что принадлежит мне по праву».

* * *

Битва при Кербеле подходила к концу.

С самого утра Хусейн сражался подобно льву. Но теперь силы покинули его, и он говорил: «Ох, жажда! Ох, беспомощность!»

От жажды Имам даже не видел неба. Он ничего не мог видеть, кроме дыма.

Ох, жажда! Ох, беспомощность!

* * *

Амр Саад вышел вперед. И когда обессиленный Имам упал на землю, он сказал: «Чего же вы еще ждете? Заканчивайте свое дело!»

Но враги боялись даже приблизиться к Хусейну. Хули, сын Йазида, подошел, чтобы отрубить Иمامу голову. Но, оказавшись в шаге от Имама, он ощутил сильную дрожь в руках и теле и вернулся обратно. И Санан, сын Унса, также не смог этого сделать, пока, наконец, не подошел сам Шемр. Никто ведь не мог убить внука Пророка.

* * *

Так Имам стал мучеником.

Его рубашку взял Исхак, сын Хивы. Чалму – Ахнас, сын Муршида, а обувь – Асвад, сын Халеда, кольцо – Бадждаль, сын Салима.

Бадждаль, дабы поскорее заполучить добычу, ибо он не мог снять кольцо с пальца Имама, отрезал палец и забрал его вместе с кольцом.

Амр Саад тоже подошел и взял себе доспехи Хусейна.

Эти люди были лишены стыда и совести.

* * *

Конь Имама, Зуль-Джанах, весь в крови и ранах, вернулся с пустым седлом к шатрам. И когда женщины слышали его ржание, они вышли из шатров, чтобы встретить Хусейна, однако поняли, что именно этот момент и положил начало их плену и сиротству.

Даже Зуль-Джанаху не под силу было это вынести. Он вернулся в стан врагов и напал на них, топча их копытами. Амру Сааду, убившему внука Посланника Аллаха, хотелось сохранить для себя этого коня, бывшего одним из коней самого Пророка, и потому он приложил усилия, чтобы поймать скакуна, но ничего у него не вышло. Тогда он отправил сорок человек, чтобы они схватили коня и убили его.

Зуль-Джанаху после хозяина никто другой не люб был, да и жить ему больше не хотелось, жизнь стала для него бессмысленной. Его убили. То было удивительное животное, друг Господина всех мучеников, мученика Кербелы. Он был больше человеком, нежели многие другие, двуногие, кто находился тогда на поле битвы.

* * *

Амр Саад закричал: «Кто проедет по телу Хусейна на своем коне и раздавит его?»
Вызвались добровольцами двое, чтобы выслужиться перед Амром Саадом. Но и Амр Саад тоже хотел выслужиться перед Убайдуллой ибн Зийадом. А тот, в свою очередь, – перед Йазидом.

Те двое были из незаконнорожденных. Убайдулла и Йазид и тут были опозорены.

Асид, сын Малека, был одним из тех двоих. Он как-то потом в Куфе рассказывал: «Мы проехали на больших и быстроногих конях по телу Хусейна!»

Но Ибн Зийад наградил их не так уж щедро. Те двое, утратившие прощение в будущей жизни, и на этом свете не получили ничего стоящего.

* * *

Если хотели узнать, кто именно был убит, то смотрели на его лицо либо на одежду, перстни, какие-то особые приметы...

Но те безбожники отрубили Хусейну голову, сняли с его тела одежду и даже кольцо с пальца унесли, отрезав сам палец.

Только тогда Зейнаб поняла, почему ее брат непременно хотел надеть свою старую одежду.

* * *

У каждой раны есть своя история.

После событий Ашуры, в момент погребения Имама Хусейна, люди из племени Бани Асад увидели на его теле следы от старых ран и спросили у Имама Саджада: «Что это за раны?»

Имам Саджад ответил им: «Это следы от тех мешков с продовольствием, что мой отец таскал на плечах вдовам, сиротам и беднякам».

У каждой раны есть своя история.

* * *

Саджад, похоронив отца и засыпав могилу землей, провел по земле пальцем и написал: «Это – могила Хусейна, сына Али, внука Абу Талиба, который погиб, страдая от жажды».

* * *

Мухаммад Ханафийа, брат Имама Хусейна, не имел никаких известий, вернулся ли караван из Медины. Ему было плохо настолько, что ему даже не стали сообщать о гибели Имама. И когда прибыл караван, то весь народ с плачем и воем отправился за город, навстречу ему, чтобы выразить сочувствие и скорбь.

Мухаммад спросил: «Что там такое?»

Один из его слуг ответил: «Жители Куфы обвели твоего брата вокруг пальца и к тому же убили твоего двоюродного брата Муслима. И вот брат твой Хусейн вернулся со своей семьей».

Мухаммад спросил: «Тогда почему они не придут ко мне?»

Слуга ответил: «Они ждут тебя».

Тогда Мухаммад пустился в путь. Иногда он останавливался или садился и говорил: «Нет силы и могущества, кроме как у Аллаха». Или спрашивал: «Где мой брат? Где плод моего сердца? Где мой Хусейн?»

Ему отвечали: «Он за пределами Медины».

Тогда Мухаммад сел на коня и поехал в сторону каравана. И, увидев еще издали траурную процессию в черном, спросил: «Для чего эти черные флаги?»

Ему сказали: «Клянемся Господом, брата твоего убили».

Мухаммад потерял сознание и упал с лошади. К нему подвели Имама Саджада, и когда Мухаммад пришел в себя, то обратился к Иمامу: «Племянник, где же мой брат? Где свет моих очей? Где преемник отца нашего?»

Имам Саджад сказал: «Мы вернулись к тебе уже сиротами. Если бы ты видел своего брата, который призывал на помощь, но которому никто не помог, томимого жаждой, погибшего, что тогда сделал бы?»

Мухаммад вскрикнул и вновь лишился чувств.

ИСТОЧНИКИ

1. *Расули Махаллати Сейед Хашем*. Жизнь Имама Хусейна. Фарханге Эслами, 2005.
2. *Шахиди Сейед Джафар*. Восстание Хусейна. Фарханге Эслами, 2006.
3. *Саид ибн Тавус*. Лохуф / пер. Аббаса Азизи. Саллат, 2005.
4. *Йазди Хайери Хасан*. Вызывающий печаль. Хазек, 2003.
5. *Шуштарии Шейх Джафар*. Характерные черты Хусейна / пер. Садека Хасанзаде. Але Али, 2007.
6. *Солтани Насб Ибрахим*. Убийство в Шуштаре. Арамдель, 2007.
7. *Джафарии Мухаммад Таки*. Имам Хусейн, выдающийся мученик в человеческой культуре. Бехнашр, 2006.
8. *Шоджаи Сейед Мехди*. Отец, любовь и сын. Центр интеллектуального развития детей и молодежи, 2000.
9. *Шахиди Сейед Джафар*. Жизнь Али ибн аль-Хусейна. Фарханге Эслами, 2007.
10. *Сангари Мухаммад Реза*. Держащие зеркало перед солнцем. Бейноль Мелаль, 2007.
11. *Агатехрании Мортеза*. Верные друзья Хусейна ибн Али. Мим, 2005.
12. *Захири Али Асгар*. Истории о Кербеле. Пайаме Ходжат, 2007.
13. *Дашти Реза*. Жизнь святого Абульфазла Аббаса. Пазине, 2005.
14. *Шабири Азам*. Образ Зейнаб в зеркале истории. Хаджер, 2008.
15. *Шоджаи Сейед Мехди*. Солнце в хиджабе. Кетабе Нистан, 2006.
16. *Расули Махаллати Сейед Хашем*. Краткий взгляд на жизнь великой Зейнаб. Бустане Кетаб, 2007.
17. *Месбах Йазди Мухаммад Таки*. Еще одна молния с неба Кербелы. Учреждение Имама Хомейни, 2009.

Глава о знаменосце

Мы не знали, как назвать эту главу историй о Кербеле: «Глава о познании», «Глава о верности», «Глава о смелости», «Глава о самоотверженности», «Глава о водоносе»...

Но тут вспомнили, что арабы в своих войнах и сражениях вручали знамя тому, кто обладал и познанием, и верностью, и смелостью, и самоотверженностью, и даже был достоин напоить всех водой.

Флаг должен был держать в своих руках тот, кто мог быть опорой для своего войска, и такой опорой был Аббас – он поддерживал все войско, и на него можно было опереться.

Знаменосец должен был любой ценой держать знамя высоко во время боя, и Аббас заплатил за это всем, что имел: своими глазами и жизнью.

Флаг развевался высоко в воздухе, пока Аббас был жив, и даже если падал, то падал он вместе с Аббасом и только после него. Так что эта глава – о знаменосце.

* * *

Акиль, брат Имама Али, был хорошо знаком с генеалогией и знал все арабские племена, как и их старейшин.

Он был настолько сведущим, что с ним советовались все, даже его брат Али.

Однажды Али пришел к нему и сказал: «Я бы хотел найти целомудренную девушку, чтобы она стала моей женой и родила мне отважных сыновей».

И хотя Акиль был уже стар и незряч, он отыскал для брата такую девушку – Фатиму из племени Куллаб.

Она родила Али четырех сыновей, и одним из них был Аббас. Родив четверых, она получила прозвище Мать сыновей – Умм аль-Банин.

* * *

Фатима, дочь Хазама ибн Халеда из племени Бани Куллаб, увидела во сне открывающиеся перед ней двери на небеса. Повсюду слышался легкий шорох крыльев ангелов. Рядом с ней сияло солнце, а на подол юбки упал лунный свет. Вокруг нее кружились звезды. Когда она проснулась, лицо ее было всё в поту. Фатима рассказала матери, какой она видела сон. И мать ее сказала, что ей суждено удивительное будущее.

Только тогда поняла Фатима значение своего сна, когда к ним в племя сватать ее пришел Акиль.

Так и посватали Фатиму к солнцу – Имаму Али.

И когда ее сон полностью был растолкован, на свет появился Аббас – лунный свет, что упал на ее подол.

* * *

Фатима была счастлива, что ее сосватал сам Али.

Она радовалась и смеялась. Вечером того же дня она сочинила стихотворение:

Солнце осветило жизнь твою во тьме, Фатима!

Весну, свет, свежесть и благоухание дарит оно тебе.

Так преклонись перед Господом за все эти милости для тебя.

Сон твой про солнце, лунный свет и звезды исполняется.

Так преклонись перед Господом, Фатима!

Звук шагов Али – как шелест весеннего ветерка, что уносит тебя в небеса, в паломничество по раю, навстречу Господу...

Так преклонись перед Господом, Фатима!

Но вместе с этим весельем и радостью в душе ее поселился и страх. Ей хотелось той же любви, что Али питал к своей первой жене, Фатиме Захре, дочери Мухаммада. Но куда было Фатиме, дочери Хазама, до Фатимы, дочери Мухаммада!

Свое стихотворение Фатима прочла матери. Та улыбнулась и сказала: «Да, доченька, преклонись перед Господом в благодарность за то, что ты станешь женой Али».

Фатима прочла стихотворение и Лобайду, дяде своего отца – тот был известным поэтом в своем племени, да и среди всех арабов.

Лобайду оно тоже понравилось, он улыбнулся и сказал ей: «Это великая честь и для тебя, и для всего племени Бани Куллаб, что ты станешь супругой Али. За это и впрямь нужно преклониться перед Господом, Фатима».

И сам Лобайд тоже преклонился в знак благодарности перед Господом.

И Фатима, преклонившись, поблагодарила Бога.

* * *

Когда Фатима, дочь Хазама, уже стала женой Али и вошла в его дом, она встала в дверях и поцеловала рамы дверей в том доме, доме Фатимы Захры. А войдя внутрь, заплакала, увидев этот дом: бурдюки для воды, ручную мельницу, ведра... А когда увидела детей Фатимы Захры, то сказала им: «Я не для того сюда пришла, чтобы быть вашей матерью, а чтобы быть прислужницей вам и наложницей Али».

* * *

Было третье число месяца Шаабан. Умм аль-Банин посмотрела на тонкий серпик молодого месяца. Полумесяц становился все крупнее и крупнее, пока не превратился в полную луну. Он все приближался и приближался к ней. Все ниже и ниже. И вот уже круглая луна оказалась в подоле Умм аль-Банин, которая обняла ее и поцеловала.

И тут она проснулась. Она уже поняла: сон, который она только что видела, связан с ребенком, что она носила во чреве.

* * *

И когда начались родовые схватки, она даже толком и не поняла, откуда вдруг появился свет и белое длинное одеяние где-то вверху. Это была Захра, дочь Посланника Божьего.

Захра сказала ей: «Фатима! Да будет благословен этот месяц, который тебе дарят, он друг и любимец моего солнца».

Больше Умм аль-Банин не осознавала, что происходит. Когда же она открыла глаза, то увидела, что настоящий кусочек луны, маленький месяц, лежит в объятиях Али. Это был ее новорожденный сын.

* * *

Когда он появился на свет, его запеленали и отдали отцу, Али.

Али прочитал ему азан в правое ушко, а в левое – икамат.

И спросил у матери ребенка: «Как ты назвала его?»

Умм аль-Банин ответила: «Я никогда не опережаю тебя ни в чем. Пусть будет любое имя, какое тебе понравится».

Али сказал: «Я назову его Аббас. Так звали моего дядю по отцу».

«Аббас» означает «нахмуренный, мрачный», так еще называют разъяренного льва.

Аббас – хорошее имя для того, кто должен был стать самым суровым к неверным.

* * *

Али взял сына на руки и поцеловал. То ручки его, то лоб целовал он.

Умм аль-Банин спросила: «Господин мой, что же такого ты видишь в ручках, глазках и лице Аббаса, что целуешь его только туда? Что не так с Аббасом?»

Али ненадолго замолчал, а потом сказал: «Я скажу тебе, но только при условии, что ты будешь терпеливой».

И продолжил: «Руки Аббаса будут отрублены на пути к Господу, а в глаза его... в глаза его угодит стрела».

Разве не стоило целовать те руки, что будут отрублены на пути к Господу?

* * *

Однажды Али позвал ее: «Фатима!» Она, осознав, что голос Али дрожит, когда он произносит это имя, попросила его больше не звать ее Фатимой. Она боялась, что Али или его сыновья при этом вспомнят о другой Фатиме, дочери Пророка, и расстроятся.

* * *

Через пару дней после рождения Аббаса Умм аль-Банин семь раз обнесла его вокруг Хусейна – она хотела, чтобы Аббас навсегда узнал, кто его Кааба, а также и то, что без Хусейна ему не увидеть Господа.

* * *

Когда дети только-только учатся говорить, обычно сначала они произносят «папа» или «мама», а Аббас первым делом научился говорить «Хусейн».

* * *

Али сам обучал сына. Первым учителем его был.

Он сажал его к себе на колени и учил его читать Коран. Учил его тому, что было необходимо знать.

Он был точь-в-точь как птица, что сует червячков в клювики своих птенцов, сидящих в гнезде.

* * *

У арабов так повелось, что детей с красивыми, правильными чертами лица и стройным, тонким станом принято звать полной лунной. Например, так звали прапрадеда самого Про-

рока, Абд Манафа: «Камар Батха» («Луна долины»), или отца его, Абдуллу, которого называли «Камар Харам» («Луна Мекки»).

И хотя все члены племени Бани Хашим были прекрасны лицом, однако Аббас отличался от других уже в раннем детстве. И потому-то его прозвали «Камар Бани Хашим» – «Луна племени Хашим».

«Луна племени Хашим» – отличное имя для того, кто должен был стать «Милосердным среди них», то есть самым милосердным среди всех членов Семейства Пророка.

Всякий раз, когда он видел своего отца, братьев – Хасана или Хусейна – или сестер, то вставал в полный свой рост перед ними и никогда не прерывал их слова, не выступал впереди них, а, словно тень, повсюду следовал за ними.

И в свои семь лет Аббас уже был образцом вежливости и почтительности.

* * *

Али, сам научивший Аббаса боевому искусству, впервые отправил его на настоящее поле сражения в битве при Сиффине. Его лицо он закрыл, так чтобы никто не узнал его и не выколол ему глаза.

Аббас послал вызов одному из героев вражеского войска – Муавийе ибн Шуасе, но тот высокомерно заявил: «Меня знают все. Я сражусь и с тысячей, ну а против тебя я пошлю одного из своих семи сыновей». Пришел его сын. Не успел он и круга проехать по полю боя, как Аббас раскроил его шлем и темя наполовину. Вышел второй сын, и с ним случилась та же история, как, впрочем, и с третьим, и четвертым, и пятым, и шестым, и седьмым. Ловкий и проворный Аббас всех их отправил в ад. В отряде Муавийи поселился страх перед ним. Всем хотелось узнать, кто же такой этот воин с закрытым лицом. Муавийа вышел к нему, чтобы отомстить за своих сыновей, однако меч Аббаса был словно братом-близнецом самой смерти. Получив всего один удар, Муавийа ибн Шуаса отправился вслед за сыновьями. Больше никто не отважился выйти на бой против этого витязя-незнакомца.

Али позвал сына, чтобы тот вернулся. Открыл его лицо и поцеловал в переносицу. Враг узнал этого юношу с закрытым лицом и почувствовал, что его смелость и отвага – такие же, как и у самого Али.

* * *

После Муавийи ибн Шуасы на поле брани вышел другой смельчак из вражеского войска, по имени Кариб. Похвалившись пред лицом противника, он потребовал вступить с ним в бой. И тут же погубил сразу троих из войска Имама Али. Он настолько опьянел от своих побед, что вызвал на поединок самого Али. Али же взял одежду и доспехи Аббаса и надел их на себя. Взял он и его меч, и лицо свое прикрыл, чтобы Кариб думал, что сражается с тем, кто перед тем уже убил восьмерых. Сначала Али пытался образумить противника, но тот не внял его наставлению, и тогда Имам был вынужден говорить с ним языком меча. Даже одного удара не потребовалось Карибу!

Враг так и не понял тогда, что перед ним с закрытым лицом на этот раз был сам Али. Но какая разница, в самом деле?

* * *

Али вернулся и сказал одному из своих сыновей, Мухаммаду Ханафийе: «Ступай на поле боя и встань рядом с трупом Кариба, так как сейчас придет тот, кто потребует расплаты за его кровь».

На этот раз в одежду Аббаса облачился Мухаммад Ханафийа и взял в руки меч, отправивший в ад девятерых.

Мухаммад убил одного из двоюродных братьев Кариба, вышедшего требовать мести.

А после него – еще семерых.

Так было убито шестнадцать человек из вражеского войска. И враг по-прежнему думал, что всех их убил тот юноша с закрытым лицом.

Али хотел, чтобы страх перед Аббасом впитался в плоть и кровь врага.

* * *

Малик Аштар Нахи, командующий войском Имама Али при Сиффине, говорил про собственную храбрость так: «Если темной ночью в пустыне на меня зарычит лев, я не испугаюсь».

В битве при Сиффине Имам Али послал на поле боя своего сына Аббаса. Аббас храбро сражался, убил нескольких человек и вернулся обратно.

Затем Али удерживал его при себе в шатре и не позволял уходить в бой. Аббас ходил туда-сюда и все умолял отца отпустить его.

Малик Аштар обратился к Аббасу со словами: «Господин мой, успокойся, мы позаботимся обо всем».

Аббасу в то время было всего тринадцать-четырнадцать лет. Он гневно посмотрел на Малика и удалился.

Позже Малик говорил так: «От того взгляда Аббаса тело мое задрожало как осина».

* * *

Когда Аббас вернулся с поля боя, Али в тот день больше не позволял ему идти сражаться. Он говорил, что ему могут выколоть глаза. И вся настойчивость Аббаса была бесполезна. Али хранил его для другого, великого дня.

* * *

Имам Али трагически погиб 21 числа месяца Рамадан. В тот день он позвал своего сына Аббаса, обнял его и прижал к груди со словами: «Сынок мой, в День Суда я обрадуюсь, увидев тебя... а в день Ашуры, если войдешь в реку, не пей сам, если Хусейн будет мучиться от жажды...»

Аббас дал отцу слово, что так и поступит. Слова своего он не нарушил. Это ведь было слово мужчины.

* * *

Подлецы, что раньше были сторонниками Имама Хасана, переметнулись на сторону Муавийи, и Имам был вынужден согласиться на перемирие.

Кто-то говорил, что Имам испугался и отдал халифат чужакам, заключив с ними сделку... Но Аббас хорошо знал его и был послушен тому, кто был Повелителем своей эпохи. Он не вступал в противоборство – ни во время перемирия Имама Хасана, ни во время мятежа Имама Хусейна.

И потому не без оснований скажет потом Имам Садик: «Мой дядя, Аббас, сын Али, обладал достоверным и глубоким пониманием и крепкой верой».

* * *

Тело Хасана, старшего из детей Али и Фатимы, приготовили к погребению и хотели отнести его на могилу Пророка для прощания. Но лицемеры не позволили это сделать. Они полагали, что Имама Хасана хотят захоронить рядом с Пророком. Началась распря, и они выпустили стрелы в тело покойного. Те стрелы пригвоздили его к савану и похоронным носилкам.

Аббас обнажил меч, чтобы дать достойный ответ наглецам, но Хусейн удержал его. Он не хотел устраивать побоище на похоронах брата. Позднее Аббас говорил Хусейну: «Если бы не твой запрет, господин мой, я бы ни одному врагу не уступил».

* * *

«Он был подобен горе – такой же огромный, с сердцем крепким, как будто из скалы или гранита, доблестный непревзойденный наездник, храбро наносивший противнику тяжелейшие удары на поле боя, и с потрясающей смелостью наносил ему поражение... Он был привлекательным и интересным мужчиной высокого роста».

Так описывали Аббаса биографы.

* * *

Хусейн уезжал из Медины, и те, кто уже собрался в путь вместе с ним, отправились попрощаться со своими близкими. И он тоже – с Посланником Аллаха, Фатимой Захрой, Хасаном... а с ним рядом был Аббас и его мать, Умм аль-Банин.

На том самом месте она прочитала стихотворение:

О вы, все остальные!

С вами прощаются те, кто ангелам небесным – наперсники, кто соседи Божественному откровению.

Те, в чьем доме расцвела пророческая миссия, где вечно свидетельство милости.

О Фатима!

Мой Аббас призывает тебя!

Гордость за твоего сына Хусейна и пригодность в услужении ему он приобрел.

О Захра!

Плод души моей и жизни – жертвой станет для твоего Хусейна!

Умм аль-Банин была отличной поэтессой.

* * *

На следующую ночь после ухода каравана Хусейна из Медины, в первую ночь без сына своего, Аббаса, Умм аль-Банин ощутила волнение и сложила такое стихотворение:

О высокочтимый Хусейн! Разве есть глаза, что не впиваются в тебя?

Вершины гор склонились в молитве позади тебя.

Ты – столп и опора для всех.
От стана твоего веет покоем и радостью.
На лбу твоём – солнце, что восходит среди волн морских.
Луна восходит на горизонте твоём, и лунный свет сияет вместе с тобой.
О мой Аббас!
Господь мой сотворил тебя для Хусейна.
Будь для него, как Зейнаб, что дышит на него и не боится жизнь свою за него отдать.
О мой дорогой Аббас!
Всюду, где бы ни увидел ты, что брат твой в опасности, Будь среди первых, кто отдаст
за него жизнь и кровь свою.
Вот с такими напевами и вырастила сына своего, Аббаса, Умм аль-Банин.

* * *

Начиная с седьмого дня месяца Мухаррам воду в реке по приказу Амра Саада перекрыли, не допуская к ней караван Имама Хусейна. Имам тоже отдал приказ своим людям: рыть землю за шатрами, чтобы достичь воды, что они и сделали.

Враги услышали, что Хусейн выкопал колодец рядом со своими шатрами, всё потихоньку вывели. Но если бы Хусейн позволил, то Аббас не пощадил бы их. Однако Хусейн сказал: «Мы не станем зачинщиками войны».

* * *

Когда враги преградили каравану Имама Хусейна доступ к воде и вода, что была в колодце, закончилась, детей начала мучить жажда, и они пожаловались Хусейну. Тот позвал Аббаса. Обычно он звал его по имени: «Аббас». Но на этот раз он сказал по-другому: «Да буду я жертвой за тебя, брат мой!» – а потом продолжил: «Люди в шатрах испытывают жажду».

Аббас вместе с Али Акбаром и еще несколькими сподвижниками отправился к реке и вернулся, набрав полные пригоршни воды. Но удивительно было не это, а то, что Имам звал кого-то, пусть даже своего сводного брата, так, как он это сделал: «Да буду я жертвой за тебя!»

* * *

Когда Аббас принес воды, дети напились ее и утолили жажду. Они утихомирились и заснули. А Имам обнял Аббаса и поцеловал.

Аббас же вернулся к своему занятию, которое доставляло удовлетворение всем, и все были спокойны и довольны, – к охране палаток и шатров.

Он прохаживался за шатрами, и звук его шагов был знаком каждому, как и цоканье копыт его лошади. То был самый приятный звук для слуха всех женщин и детей той ночью.

* * *

Абдулла, сын Абу Махалья, поняв, что Шемр отправляется в Кербелу сражаться с Имамом Хусейном, сказал ему: «О двоюродный брат мой! Дети Умм аль-Банин находятся в Кербеле. Возьми у Убайдуллы письмо с гарантией того, что их не тронут».

Дело в том, что и Абдулла ибн Абу Махаль, и Шемр, и Умм аль-Банин были из одного племени. Шемру такое предложение понравилось. Если он сможет оторвать Аббаса от Хусейна с помощью какой-нибудь хитрости, то Убайдулла его самого повесит в чине, а еще он обгонит

на один шаг своего конкурента – Амра Саада. После долгих уговоров он получил от Убайдуллы письмо-гарантию.

И вот в ночь на Ашуру Шемр с этим письмом подобрался к шатрам Имама и закричал: «Где мои племянники, дети моей сестры? Где Аббас и его братья? У меня есть охранное письмо для них!»

Все ужаснулись и удивились этому крику. Уже много дней все надежды женщин и детей были только на Аббаса, и ночами они могли спокойно спать лишь благодаря его верной службе.

Аббас густо покраснел от стыда. Шемр звал его и братьев, но они не дали ответа. Тогда Имам сказал им: «Ответьте же ему, каким бы развратником и грешником он ни был».

После таких слов Аббас вынужден был ответить Шемру: «Чего тебе надо?»

Тот сказал: «Вы дети моей сестры. Вы будете в безопасности, если не пожертвуете собой ради Хусейна и будете верны Йазиду».

Аббас в гневе сказал ему: «Да проклянет Господь и тебя, и твое охранное письмо. Чтобы мы были в безопасности, а внук Посланника Аллаха – нет? Ты желаешь, чтобы мы бросили сына Фатимы Захры и сдались на милость проклятых?!»

Аббас дал достойный ответ, и Шемр вернулся в свой стан не солоно хлебавши.

* * *

Зухайр ибн Кин, пока Шемр и Аббас вели словесную перепалку из-за охранного письма, сам прибыл в стан Имама и подошел к Аббасу со словами: «О сын Али! Я храню одну тайну, которую должен тебе раскрыть».

Аббас ответил ему: «Говори же побыстрее, не отвлекай мое внимание».

Зухайр сказал: «Твой отец Али женился на твоей матери по совету своего брата Акиля, чтобы она родила ему смельчаков-сыновей, что будут друзьями и сподвижниками его Хусейна, вот как сейчас. Вся надежда Хусейна только на тебя. И не дай Бог...»

Аббас вышел из себя и так резко дернул ногами в стремях, что ремни на тех оборвались. Он закричал: «Зухайр! Ты испытываешь меня? Клянусь Богом, завтра я покажу тебе кое-что, что ты никогда еще не видел!»

И он показал ему. Аббас в Кербеле показал такую сцену, которой не видывала сама история.

* * *

Шемр, разочарованный тем, что не смог отделить Аббаса от маленького отряда Имама Хусейна, ушел и стал науськивать Амра Саада напасть на шатры Имама. Амр Саад взял с собой четыре тысячи воинов и пошел вместе с ними, чтобы разом покончить с Хусейном.

Имам позвал Аббаса и сказал ему: «Да буду я жертвой за тебя, братец. Поди-ка да посмотри, чего они хотят».

Аббас вышел вперед вместе с Али Акбаром, Зухайром и несколькими другими воинами и спросил: «Что вам нужно?»

Амр Саад, который чувствовал тяжелую тень своего соперника Шемра, что нависла над ним, ответил: «Правитель Убайдулла сказал: либо вы покоритесь ему, либо готовьтесь к войне».

Аббас сказал: «Подождите, пока я передам это моему предводителю и принесу вам ответ». Он отправился к Иمامу и все рассказал ему.

Хусейн ответил: «Скажи им, пусть дадут нам отсрочку до завтра, чтобы сегодня вечером мы могли уединиться с Господом и почитать намаз, ибо я очень люблю Коран, намаз и мольбу».

Аббас передал слова Имама Амру Сааду, и тот спросил у Шемра, что ему делать. Но Шемр ничего не ответил. Командиры Амра Саада сказали: «Даже если они неверные, ты должен согласиться».

Амр Саад согласился с тем, что предложили командиры, и вернулся. Он знал, что, не важно когда, сегодня ли вечером, завтра ли утром – все равно он будет сражаться с Хусейном.

* * *

Вечером накануне Ашуры каждый был занят делом: кто-то читал намаз, кто-то – Коран, кто-то – просил прощения у Господа. Не было никого, кто бы тратил время впустую, каждый – согласно своему состоянию и способностям.

Однако Аббас вел себя иначе. Пока остальные изливали душу и преклоняли голову перед Всевышним, протягивая руки к небу, Аббас сжимал рукоятку своего меча, стоя наготове рядом с шатрами. Там, в этих шатрах, всем было необходимо слышать звук его шагов. Возможно, в ту ночь ни один человек не поминал Господа так, как это делал Аббас. Он прохаживался и похвалялся, и слова его были успокаивающими, словно колыбельная.

* * *

Накануне Ашуры Аббас собрал членов племени Бани Хашим и обратился к ним с речью. Под конец он спросил: «Что вы будете делать завтра?»

Они ответили: «Мы будем с тобой. Полностью в твоём распоряжении, что ты скажешь нам, то и сделаем».

Аббас сказал им: «Сподвижники Имама – чужеземцы, им досталась тяжкая ноша. Охрана Имама Хусейна лежит на нас, так как мы родственники ему. Завтра утром первые, кто выйдет на поле боя, должны быть из наших, чтобы люди потом не говорили, что Бани Хашим выставили вперед себя своих сподвижников, первыми послав на смерть не себя, а их».

Другие сподвижники также собрались в шатре у одного из них, Хабиба ибн Музахира, который сказал им: «Завтра мы первыми должны выйти в бой, и пока бьются наши сердца, Бани Хашим не должны погибнуть, чтобы люди не говорили потом: “Они послали в бой своих старейшин, а сами не принесли себя в жертву”».

Зейнаб, которая отправилась проведать своего брата, Имама Хусейна, услышала все это и засмеялась. И это была первая улыбка Зейнаб за весь путь, проделанный ею от Медины до Кербелы. Улыбалась она потому, что знала, какие удалыцы эти Хабиб и Аббас.

* * *

И вот в ночь на Ашуру Имам, собрав подле себя всех родных и сподвижников, обратился к ним в последний раз: «...Я не знаю никого из своих друзей и сподвижников, кто был бы преданнее и вернее вас, и родных, что были бы добрее вас. Да воздаст вам Господь добром. Вы все присягнули мне на верность. Но им нужен я. И если я попаду им в руки, то вы им уже ни к чему. Так воспользуйтесь же случаем и бегите сейчас, под покровом ночи...»

Пока Хусейн говорил, его друзья и соратники ежились. Все ждали, что найдется среди них хоть один, кто лучше других, что заговорит с Хусейном. Все ждали, что ответит Хусейну Аббас... И Аббас поднялся и сказал: «Господин и командир мой! Да не пошлет Господь дня, когда мы будем живы, а тебя не станет. Да придет наша погибель, если мы оставим тебя одного. Куда мы пойдём, где не будет нам позора и унижения? Куда нам идти, чтобы держать головы

наши высоко поднятыми?.. Да будут в клочья разодраны тела наши, если мы оставим тебя одного. Без тебя все едино – ночь ли, день ли, благо ли, зло ли, рай ли, ад ли...»

Когда Аббас сказал то, что должно было быть сказано, языки у всех остальных будто сами собой развязались, и люди высказали Иمامу всё, что было у них на сердце.

До чего же вежлив и знающ был Аббас! Он не стал распространяться о том, что он станет делать, а просто сказал: «Меня не будет, если тебя не будет!» Все его помыслы и поминания были связаны с Хусейном, его Иمامом.

* * *

Несколько соратников Имама Хусейна вышли на поле битвы. Бой был тяжелым. Враги окружили их кольцом и наносили удары со всех сторон.

Имам велел Аббасу прийти им на подмогу. И знаменосец маленького отряда Имама Хусейна ринулся туда и тут же разметал врагов, выручив попавших в окружение воинов.

И хотя спустя несколько мгновений они погибли все вместе под натиском противника, история не сможет сказать, что Имам и Бани Хашим отправили своих соратников на верную смерть и, когда их окружили, ничем не помогли им.

* * *

Все сподвижники Имама погибли, как, впрочем, и Али Акбар, и еще несколько членов племени Бани Хашим. Аббас отправился на поиски своих братьев. Обнял их и сказал: «Родные мои братья, отправляйтесь в бой раньше меня и принесите себя в жертву. Я хочу увидеть гибель вашу и самопожертвование... Я буду терпелив».

Абдулла, Усман и Джафар ушли, а Аббас остался и был терпелив. Он хотел, чтобы ему было еще тяжелее, чем Хусейну. Он хотел получить от Господа своего награду за такую тяжкую муку.

* * *

Аббас встал напротив врага и произнес: «Если вы считаете нас преступниками, то ведь женщины и дети ни в чем не повинны. Если есть у вас хоть капля доброты и сострадания, дайте им напиток воды».

Враги засмеялись над этими словами, а потом хлынул настоящий град из стрел. Аббас выхватил меч и подстегнул лошадь. Он появился среди противника, словно молния в зарослях тростника. И каждый, кто не успел убежать, отведал Аббасова меча. Лошади шарахались. Аббас похвалялся и бросал врагов наземь, словно опавшие листья по осени. Немного времени спустя они отступили, и Аббас смог, наконец, передохнуть.

* * *

Марид ибн Садиф надел на себя сразу две кольчуги, шлем, взял длинное копье и, сев верхом на гнедую лошадь, отправился в бой. Он считал себя героем и, обратившись к Аббасу, воскликнул: «Эй, юнец! Пожалей лучше себя! Сдавайся, пока не поздно, останешься цел!»

Аббас ответил на это: «Враг Господний! Да кто ты вообще такой, что требуешь от меня сдаться? Лист, отделившийся от ветки, больше никуда не годится. Так и Аббас неотделим от Хусейна».

Марид набросился на него и швырнул копье в самую грудь Аббаса. Но Аббас ловко и метко подхватил копье и запустил его обратно, так что Марид чуть не свалился с лошади. Марид бросил копье и достал меч. Аббас вонзил копье в бок его лошади, и та упала так, что Марид проехался животом по земле.

Шемр закричал на своих солдат: «Горе вам! Если вы не окажете ему помощь, ему конец». Оруженосец и помощник Марида хотел было привести ему другую лошадь по кличке Тавийа, но тут копье Аббаса угодило ему в грудь. Тогда Аббас сам сел верхом на Тавийу, которая когда-то принадлежала Иمامу Хасану и была украдена у него врагами в Мадаине.

Услышав крик Шемра, пятьдесят человек бросились на помощь Марида. Марид тоже пустился бежать от Аббаса, однако тот не дал ему пощады. Он вонзил собственное копье Марида ему же в горло и поднял его над землей. Марид только дрыгал руками и ногами. Так, трясая конечностями, находясь между небом и землей, Марид и умер. Ужас поселился в отряде Амра Саада, а Аббас тем временем вернулся в лагерь Имама.

* * *

Сафван ибн Абтах был мастером в метании камней и копья. Враги поняли, что на близком расстоянии с Аббасом ничего поделаться нельзя. Сафван похвастался и, взяв в руки большой камень, швырнул его в сторону знаменосца Хусейна. Аббас пригнул голову и, подхватив камень, вернул его Сафвану. Камень отбил тому одну кисть. Другой рукой Сафван бросил копье, которое Аббас перерубил надвое своим мечом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.